

0 780052

На правах рукописи

КОЗДРИНЬ Ярослав Романович

**Символ лестницы
в русской литературе 1810-х – 1850-х гг.**

Специальность 10.01.01. Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Омск – 2009

**Работа выполнена на кафедре литературы
филологического факультета
ГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»**

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы
ГОУ ВПО «Омский государственный
педагогический университет»
Г. В. Косяков

**Официальные
оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы НОУ ВПО «Омская
гуманитарная академия»
А. Э. Еремеев

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»
С. А. Демченков

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Сургутский государственный
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 11 ноября 2009 г. в 13.00 на заседа-
нии объединенного диссертационного совета по защите докторских и
кандидатских диссертаций ДМ 212.179.02 при Омском государствен-
ном университете им. Ф. М. Достоевского по адресу: 644077, г. Омск,
ул. Нефтезаводская, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Омского государственного университета им. Ф.

Автореферат разослан «9» октября 2009

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е. А. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Современное отечественное литературоведение, опираясь на интегративную методологию, обращено к осмыслению художественной онтологии и антропологии, религиозных, мифопоэтических и философских основ литературного процесса. Актуальным в современной филологической науке является исследование ключевых мирообразов, мотивных комплексов и символов русской литературы в их историческом развитии. На рубеже XX–XXI вв. изданы не только многочисленные отечественные и зарубежные справочники, словари и энциклопедии, но и монографические исследования, систематизирующие современные научные представления о сюжетах и символах.

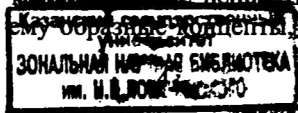
В русской литературе многогранный комплекс поэтических представлений сосредоточен в символе лестницы, имеющем архаические мифологические и религиозные источники. Особенностью этого символа является то, что он, во-первых, сохранил архаическую функцию коммуникации миров, во-вторых, приобрел в русской культуре семантическую полифонию, что позволило ему укорениться в различных сферах духовной жизни, получить многогранное образное развитие в искусстве, философскую рефлексию в онтологии, гносеологии, эстетике и этике. Символ лестницы в русской литературе стал одним из парадигмальных, воплощая комплекс образных представлений о человеке и мироздании. Он придает образной картине мира черты иерархичности как в микрокосмическом, так и в макрокосмическом измерении, позволяет совершить восхождение от бытового и исторического к бытийному и метафизическому.

Актуальность исследования. В отечественной науке изучению символики лестницы на материале творчества отдельных русских классиков посвящены работы Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, Ю. В. Манна, В. А. Ворopaева, С. С. Аверинцева, В. А. Котельникова, Е. М. Мелетинского, Ф. З. Кануновой, А. С. Янушкевича, И. А. Есаулова, В. П. Океанского, В. И. Сахарова, Б. Н. Тарасова, А. Э. Еремеева, А. В. Моторина, И. А. Виноградова, В. М. Гуминского, В. В. Кашириной, Г. В. Косякова и др. Однако системные работы, посвященные рассмотрению символики лестницы в контексте святоотеческой, философской и художественной традиций в синхроническом и диахроническом ключе, все еще отсутствуют, что делает данное диссертационное исследование актуальным. Постановка проблемы также значима в связи с тем, что она позволяет рассмотреть магистральные образные представления русских писателей и поэтов 1810-х – 1850-х гг. о диалектике горнего и дольного миров, о молитвенном вознесении, богопознании и самопознании. В рамках

поставленной проблемы актуальным представляется системное рассмотрение художественной онтологии и антропологии через призму символа лестницы.

Предметом диссертационного исследования является русская литература 1810-х – 1850-х гг.: в работе рассматривается философская проза П. Я. Чаадаева, В. Ф. Одоевского, И. В. Киреевского, духовная проза Н. В. Гоголя, лирические и лироэпические произведения В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки. В диссертации привлечены такие источники, как дневники и письма русских поэтов и писателей. Наряду с этим, для понимания преемственности русской классической литературы святоотеческой традиции необходимым было обращение к текстам Священного Писания, к трудам Отцов Церкви, к древнерусским памятникам, к духовной прозе Тихона Задонского, И. Брянчанинова, митрополита Филарета (В. М. Дроздова), оптинского старца Амвросия. Выбор данных значимых для развития отечественной духовной словесности фигур позволяет создать целостное представление о символике лестницы в русской классической культуре. Отбор источников для изучения позволил соединить в работе два принципа – обзорный (в освещении религиозной символики лестницы в текстах Священного Писания, в трудах Отцов Церкви, в изучении романтической эстетики и философской прозы) и персональный (в изучении художественного наследия Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки). Н. В. Гоголь придал магистральным для русской философской прозы проблемам самопознания личности, обретения духовной универсальности религиозный смысл поиска форм богопознания, приобщения к полноте Царствия Божиего, а также дидактическую направленность. Позднее творчество Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки стало формой эстетической и поэтической рефлексии и ценностного завершения магистральных духовных исканий русского романтизма. Лирика В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки по-разному отражает общую мировоззренческую систему, в основе которой лежат представления об иерархичности мироустройства и внутреннего мира личности, о восхождении человека к идеалу. Если для творчества В. А. Жуковского в большей степени характерно внеконфессиональное, идеалистическое воплощение этих мировоззренческих принципов, то для Ф. Н. Глинки – «библейское», укорененное в православии.

Объектом исследования выступает многогранный комплекс мотивов, сюжетов и образов, входящих в полифоническое семантическое поле символа лестницы. В литературных произведениях анализируются как контекстуально маркированные ценностные смыслы данного символа, так и близкие ему образные концепты, характерные для русского

национального сознания (благодать, странничество, «невыразимый» идеал соборной истины, полноты бытия в Боге, пасхальная радость и др.).

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является осмысление ключевых образных представлений, раскрывающих религиозные, гносеологические, эстетические и этические взгляды русских поэтов и писателей 1810-х – 1850-х гг., которые воплощены в символе лестницы и близких ему образах и мотивах. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Осветить мифопоэтические и религиозные источники формирования символики лестницы в русской классической литературе.

2. Рассмотреть развитие ключевых образов и мотивов в русской философской, духовной прозе и поэзии 1810-х – 1850-х гг., фокусирующих поэтическое представление об иерархичности духовного мира человека и вселенной.

3. Раскрыть образные представления русских поэтов и писателей о благодати, молитвенном воспарении, духовном преображении, человеческой жизни как восхождению и подвиге, отображающие ключевые религиозные смыслы символа лестницы.

4. Выявить значимость символа лестницы в формировании этического, эстетического и гносеологического идеала соборности в русской классической литературе.

5. Проанализировать роль символа лестницы в поэтическом мире индивидуального художественного произведения.

Методологическая база исследования. Определяющая роль в работе отводится культурно-историческому и историко-генетическому методам, которые позволяют выявить истоки образных представлений о лестнице, связь авторской позиции с философским и эстетическим контекстом эпохи, поэтому в диссертации проводятся параллели между русской философской прозой и западноевропейской философией. В работе также применяются феноменологический, сравнительно-исторический и типологический методы. В отдельных случаях используются приемы герменевтического, культурологического и лингвистического анализа. Изучение поэтического мира лирического текста в диссертации опирается на традиционный для отечественного литературоведения метод целостного анализа, в основе которого лежит отношение к тексту как к уникальному эстетическому явлению со своей внутренней онтологией, универсуму, где органично взаимосвязаны формальные и содержательные компоненты. Методология целостного анализа нацеливает на выявление органической связи различных поэтических средств, формально находящихся в иерархических отношениях, в этой связи определяющим в диссертационном исследовании является раскрытие символики лестницы в контексте образов и художественных приемов конкретного текста.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в рассмотрении широкого историко-литературного контекста, включающего тексты Священного Писания, труды Отцов Церкви и православных мыслителей, русскую философскую прозу и поэзию 1810-х – 1850-х гг. через призму символики лестницы. На материале различных дискурсов впервые проанализированы этические, эстетические, онтологические и гносеологические идеи, сфокусированные в символе лестницы. В силу того что русская классическая литература явилась образной формой национальной философии, и возможно выделение в символике лестницы тех мировоззренческих пластов, которые традиционно изучаются онтологией, гносеологией, эстетикой, этикой и другими отраслями философии с учетом образной природы искусства слова.

Впервые символ лестницы в русской классической литературе рассмотрен в единстве с другими богородичными символами, ключевыми для православной гимнографии и иконографии. В хронотопах, в композиции, в образной системе лирических и лироэпических текстов В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки анализируются поэтические средства, раскрывающие религиозные представления об иерархичности мироздания и внутреннего мира человека, о жизни как странничестве, о духовном и молитвенном восхождении. Впервые предметом литературоведческого анализа стали малоизученные лирические произведения Ф. Н. Глинки, которые помогают проследить эволюцию русского романтизма, его метафизические искания. Качественно новым в работе является изучение принципа иерархичности в русских эстетических трактатах эпохи романтизма.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке методологии анализа символа в диахроническом и синхроническом срезах, что позволяет раскрыть национальное своеобразие русской культуры. Опора на труды русских религиозных философов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, В. В. Зеньковского, Е. Н. Трубецкого, Н. О. Лосского, на фундаментальные работы А. Ф. Loseва, Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, М. Мамардашвили позволяет представить символ в качестве образа с универсальным, диалектическим содержанием, актуализирующего архаические, мифопоэтические слои культурного сознания или его религиозные концепты, нацеленные на воссоединение имманентного и трансцендентного, временного и вечного, индивидуального и вселенского. Работа вносит определенный вклад в осмысление символа лестницы как ключевого структурообразующего компонента в хронотопе художественного текста, благодаря которому оформляется и разрешается антитеза горнего и дольного миров, возни-

кает мирообраз природы как храма. Анализ эпических, лироэпических и лирических произведений в диссертации нацелен на то, чтобы раскрыть процесс претворения религиозного символа в символ художественный, чья смысловая полифония проявляется в индивидуальном поэтическом контексте. Основные результаты диссертационного исследования расширяют представления о русской духовной и философской прозе, метафизической поэзии, формах проявления религиозности в художественном произведении.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Символ лестницы в русской литературе 1810-х – 1850-х гг. сохраняет преемственность православным представлениям о благодатной связи дольного и горнего миров, о Христе, о Богородице, о Царствии Небесном, о молитвенном воспарении души, о спасении, о преображении и воскресении.

2. Символ лестницы в русской классической литературе фокусирует в себе идею иерархичности микро- и макрокосма, восхождения от чувственных и рационалистических форм познания и самопознания к соборной форме мирозерцания.

3. Символ лестницы и близкие ему мотивные комплексы оформляют в русской классической литературе хронотоп вселенной как храма, где все живое славит Творца.

4. Символ лестницы в русской романтической эстетике воплощает концепцию поэтического творчества как диалога души художника с трансцендентной сферой.

5. Символ лестницы в русской историософской мысли XIX в. утверждает идею поступательного развития в историческом процессе и божественного откровения.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее выводы могут быть использованы в чтении общих курсов истории русской литературы и в разработке специальных курсов по истории русского романтизма, русской философской и духовной прозы. Результаты работы развивают современные методики анализа лирического и эпического текстов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах и выступлениях на конференциях, в том числе и международных: «Народная культура Сибири» (Омск, 2008), «Русская филология: язык – литература – культура» (Омск, 2008), «Славянские чтения – 3» (Тара, 2008), «Духовная традиция в русской литературе» (Ижевск, 2008), «Славянские чтения – 4» (Тара, 2009), «Вопросы фольклора и литературы» (Омск, 2009), «Проблемы художественной антропологии» (Тара, 2009).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 200 источников. Расположение глав и разделов подчинено историческому принципу изучения литературного процесса.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность проблемы, излагается история вопроса, формулируются методология, цели и задачи, предмет и объект исследования, определяются теоретическая, практическая значимость и новизна работы.

В первой главе «Символ лестницы в православной культуре» раскрываются истоки символики лестницы и ее ключевые религиозные смыслы в текстах Священного Писания, в святоотеческой традиции, в древнерусской литературе, в трудах русских святителей, повлиявших на становление и развитие русской классической литературы.

В первом разделе первой главы «Религиозная символика лестницы в текстах Священного Писания и в православной гимнографии» выявляются религиозные смыслы символа лестницы через обращение к широкому контексту православной словесности. Символ лестницы распространен в текстах Священного Писания, в православной гимнографии, в трудах Отцов Церкви, где он выражает ключевые для христианства религиозные представления, связанные с богочеловеческой природой Христа, с Богородицей, с Софией, с Царствием Небесным. Христианская символика лестницы восходит к ветхозаветному преданию о видении Иакова. Сон на земле с положением в изголовье камня сближает Иакова с Адамом и придает видению историософский смысл. Видение Иакова – один из ключевых этапов Священной истории, предвосхищающий благодатное спасение человечества во Христе. Лестница, увиденная Иаковом, – историософская и религиозная антитеза вавилонской башне. Видение лестницы служит обетованием богоизбранности народа Иакова. Также лестница Иакова является пророческим указанием на эсхатологический Новый Иерусалим.

Символ лестницы подчеркивает диалог Нового Завета с Ветхим Заветом, оттеняя религиозные представления о благодати, духовном преображении человека и спасении души. Данный символ тесно связан с символами креста, покровы, фаворского света, скинии, Царских врат. Лестница в христианской культуре проявляет основополагающую черту религиозного символа, связывая земной и небесный миры, человеческое и божественное. Данный символ проясняет сакральный смысл многих религиозных таинств, в частности таинства евхаристии.

Православное богословие соотносит с символом лестницы Церковь как Невесту Христову, а также заповеди Христа, благодаря которым человек восходит от чувственного и конечного к духовному и бессмертному. Символ лестницы подчеркивает динамизм, конфликтность индивидуальной и вселенской жизни и раскрывает ключевую для православной аскетики идею возведения в душе храма, лестницы, ведущей к святости. Высшие ступени духовного совершенства в христианской этике предполагают подвижнический подвиг смирения, любви к ближнему, обретение полноты мирозерцания и покоя в Боге.

Образ души, возносящейся к Богу, является ключевым в псалмах, где возникает антитеза всемогущего, всеведующего Бога и бренного человека, метафорически соотнесенного с травой, тенью. Данная религиозная идея контрастна упованию на обретение спасения праведника в Боге. Диалектическое единство указанных ветхозаветных концептов широко представлено в русской поэзии XVIII–XIX вв.

В евангельских текстах многие проповеди и притчи, раскрывающие пути обретения человеком Царствия Небесного, в своей образности обращают к символу лестницы, примером чего служит Нагорная проповедь Христа. Св. Иоанн Златоуст и другие Отцы Церкви находили в Нагорной проповеди девять последовательных степеней победы над злом. Описание духовного роста в виде отдельных ступеней содержится и в апостольских посланиях, где магистральным становится мотив духовного пути-восхождения христианина. В апостольских посланиях раскрывается христианская вера в восхождение человека к Царствию Небесному через смиренномудрие, духовное делание.

Во втором разделе первой главы *«Духовная лестница в трудах Отцов Церкви и русских религиозных мыслителей»* прослеживается этико-религиозная рефлексия символа лестницы в патристическом и аскетическом наследии. Символ лестницы в трудах Отцов Церкви, русских святителей и религиозных мыслителей утверждает религиозное представление об онтологической связи человека и Бога. В святоотеческой аскетике символ лестницы раскрывает внутреннюю иерархию человеческой личности, форм самопознания и богопознания. Преподобный Иоанн (Синайский) Лествичник утверждал духовную иерархию степеней (ступеней), знаменующих преобразование земного человека. Если начальные степени духовного преобразования нацелены на «уклонение от мира», страстей, суеты и соблазнов, то верхние – знаменуют обретение сверхзнания, «обожение твари». Ефрем Сирийский, Иоанн Лествичник раскрывали глубинную связь добродетелей и взаимообусловленность пороков. Среди грехов Отцы Церкви особо подчеркивали пагубность гордыни. В святоотеческой традиции укоренено представление о том,

что и на верхних ступенях лестницы сохраняется возможность духовного падения.

В древнерусской культуре религиозная идея лестницы в литературе и в иконографии также была теснейшим образом связана с представлениями о странничестве, духовном преображении, молитвенном горении, что мы видим в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в «Хождении игумена Даниила», в «Киево-Печерском патерике». Ключевая идея «Слова о Законе и Благодати», связанная с контрастным аллегорическим и символическим сопоставлением ветхозаветной и евангельской духовности, обусловлена религиозным принципом иерархичности, лестницы. Митрополит Иларион видел путь человечества в восхождении от ветхозаветной праведности к духовной свободе, к истине, к преображению по благодати Спасителя.

Позднее исихастская традиция способствовала духовному становлению и самоопределению русской культуры. Показательно, что символ лестницы в православной гимнографии связывается с духовным подвигом и заветами Сергия Радонежского. В «Уставе» Нила Сорского четко проявляется иерархический принцип в рассмотрении добродетелей и пороков. Сама композиция «Устава» отражает идею лестницы, раскрывая пути борьбы с пороками, значимость памятования о смерти и Страшном суде, формы обретения спасения, духовного преображения. В композиции «Устава» отражен духовный путь от ветхозаветных представлений о праведности к евангельским, от Страха Божиего к утверждению благодатного единства праведника со Спасителем.

Позднее религиозное представление о духовной лестнице мудрого делания и онтологической лестнице восхождения в Царствие Небесное мы видим в трудах Тихона Задонского, воспринимавшего человека в качестве странника, перед которым открываются два направления: «пространный» путь искушений и страстей и «тесный» путь Христа. Целью странствия христианина становятся вечные радость и покой в Боге.

Последовательное обращение к святоотеческой этике, гносеологии и антропологии мы видим в трудах религиозных деятелей XIX в., в проповедях митрополита Московского и Коломенского Филарета, в трудах И. Брянчанинова, в духовной прозе и письмах оптинских старцев. Цель христианской жизни митрополит Филарет видел в постижении таинств Фавора и Голгофы. Каждый христианин должен быть духовно сопричастен крестным мукам Христа и нести свой внутренний крест страдания и смирения. В проповедях святителя происходит сближение символов креста и лестницы. В словах митрополита последовательно утверждается мысль об иерархичности внутреннего мира человека: истинную мудрость святитель видел в уме, просветленном верой. Символ

лестницы в трудах митрополита Филарета оформляет религиозные представления о Богородице, земной истории, о мудром духовном делании личности, о богопознании, о смысле христианских таинств, о бессмертии души и покаянии.

В трудах Брянчанинова развиваются онтологические, историософские, гносеологические, эсхатологические проблемы в контексте святоотеческой традиции. Брянчанинов перевел на русский язык «Лестницу» в 1845 г. Проблему духовного восхождения и преображения религиозный философ рассматривал, во-первых, в контексте метафизики воскресения, во-вторых, раскрывая религиозный смысл таинств крещения и покаяния. Воспринимая земную жизнь человека в качестве борьбы и выбора между духовной смертью и полнотой жизни в Боге, Брянчанинов подчеркивал, что по благодати Христа каждой личности даровано предощущение метафизического воскресения, преображения еще в земной жизни.

Во второй главе «Символика лестницы в русской прозе 1810-х – 1850-х гг.» рассматривается семантическая полифония символа лестницы в эстетических трактатах русских литературных деятелей, в философской прозе, особое внимание в главе уделяется символике лестницы в духовной прозе Н. В. Гоголя, где нашли мировоззренческое завершение ключевые для русского романтизма философские и религиозные идеи, воплощенные в символе лестницы.

В первом разделе второй главы «Онтологическая и гносеологическая иерархия в русских эстетических трактатах и философской прозе 1810-х – 1850-х гг.» рассматривается общий для романтического мировидения комплекс представлений об универсуме, о роли человека в мироздании, о познании и творчестве.

В русской философской прозе второй половины XVIII – начала XIX вв. внутренний мир человека и мироздание воспринимались иерархически, с выделением степеней восхождения. Русская философская проза в этот период отразила многие идеи масонства, где символ лестницы восхождения был одним из ключевых. Масонские системы и ордена были иерархическими структурами, где четко различались ученические, товарищеские и мастерские степени. Символ лестницы был одной из ключевых деталей интерьера масонской ложи. Данный символ указывал на преодоление смерти, на восхождение души к Богу и духовное преображение уже в земной жизни.

Многочисленные подтверждения иерархического представления о человеке и мире мы находим в философских трудах Н. И. Новикова, М. М. Щербатова, И. М. Кандорского. Н. И. Новиков в своих работах «О высоком человеческом достоинии» (1777) и «О достоинстве

человека в отношениях к Богу и миру» (1777) последовательно раскрывал иерархию *тела, души и духа* в человеке.

Символ лестницы был органично воспринят русскими мыслителями первой половины XIX в. (П. Я. Чаадаевым, И. В. Киреевским, В. Ф. Одоевским и др.) благодаря и православным источникам, и западноевропейской культуре, где этот символ также глубоко укоренен. Идея духовного всеединства становится ключевой в русской романтической эстетике, где гениальность мыслится максимальной формой приобщения души к Богу. Русские романтики видели в природе и в истории искусства систему восходящих эстетических форм и прилагали принцип иерархичности в изучении литературных родов и жанров. Русские романтики придали романтической модели постепенного восхождения к Абсолюту и принципу потенцирования глубоко религиозный смысл, созвучный православному вероучению о лестнице.

В русской эстетике и философской прозе эпохи романтизма символ лестницы, утверждающий идеи духовной иерархии, восхождения, становится ключевым в системе метафизических координат. Именно этот символ позволял преодолеть концепцию романтического двоемрия, достичь органичного единства имманентного и трансцендентного. Признавая духовный мир человека в качестве малой вселенной, находящейся в диалектическом становлении, русские романтики отмечали в нем иерархию восходящих форм интеллектуальной активности, ведущих к синтезу различных сфер внутреннего мира человека.

В трудах В. Ф. Одоевского символ лестницы раскрывает представление о поступательном развитии человечества. Русский романтик подчеркивал наличие иерархических ступеней самопознания человеческого духа через категорию красоты. Высшая степень совершенства духа человеческого, по мысли Любомудра, заключается в его максимальном погружении во «всеобъемлемость» Бога.

Наиболее последовательно идея соборного познания отражена в трудах П. Я. Чаадаева и И. В. Киреевского. В работах этих русских мыслителей постулируется идея диалектического единства познания и самопознания, разума и веры, представление о религиозном преображении внутреннего мира человека. С точки зрения П. Я. Чаадаева, в человеческом инстинкте и в разуме заложено стремление к преобразению и к единству. В антропологии и гносеологии П. Я. Чаадаева идеалистическая диалектика приобретает религиозный смысл: основой мировой и личностной истории является Откровение. В «Философических письмах» утверждается взгляд на историю как поступательное развитие, движение к Царствию Божию. В историософии П. Я. Чаадаева ключевой является мысль о духовном развитии и восхождении человечества,

воспринимаемого в качестве целостности, к Царствию Божию. Мыслитель применяет общие принципы в изучении духовности личности и нации, которые в равной степени являются «сущностями нравственными» и раскрывают чудо Откровения, Спасения. Благодаря христианству, по мнению П. Я. Чаадаева, происходит преобразование материальных потребностей человека в нравственные, духовные. В нем осуществляется восхождение от «смутного инстинкта нравственного блага» к идейному развитию, к духовному самопознанию. Высшей формой духовности философ считал религиозное мирозерцание.

В философской прозе И. В. Киреевского мы видим естественное развитие и метафизическое углубление романтических представлений об иерархичности мироздания и внутреннего мира человека. Уже в ранних критических статьях русского романтика отражено стремление к гносеологической и эстетической универсальности. В статьях И. В. Киреевского «Обозрение Русской словесности за 1829 год», «Обозрение русской словесности за 1831 год» (1832), «Русские альманахи на 1832 год» (1832), «Десятинадцатый век» (1832) и др. принцип диалектичности раскрывает представления автора о поступательном развитии человеческой и русской культуры, о смысле исторического процесса. Эстетический идеал И. В. Киреевского предполагает, что целью искусства является достижение духовной полноты и целостности, синтеза различных сфер личностной активности.

В своих письмах, философских работах и художественных произведениях русский романтик оттенял значимость целостного развития «духовной личности», ощущающей свое органическое единство с ближними, бытием и Творцом. Свой идеал соборной «духовной личности» мыслитель противопоставлял западному рационализму, индивидуализму и эгоцентризму. В программной статье «В ответ А. С. Хомякову» (1838) И. В. Киреевский дал глубокий анализ западноевропейской культуры. Духовную антитезу западному индивидуализму русский философ видел в общинном укладе русского народа, в религиозном просвещении, которое просветляло верой силу познания, обращенного к постижению бытийного. Центром гносеологии И. В. Киреевского выступает человеческая душа, которая обращена к обретению «соборной целостности». Принцип соборности органично сочетается в трудах И. В. Киреевского с принципом духовной иерархичности и восхождения, что мы видим в его статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856). В этом труде ключевым является последовательное противопоставление Запада и Востока, позволяющее оттенить духовное своеобразие православной культуры, ее гносеологии. Стремясь к «цельному мышлению», православный человек осознает иерархичность и взаимосвязанность познавательных способностей.

Идея лестницы познания отражена в «Отрывках» И. В. Киреевского, фрагментарная форма которых позволяет раскрыть как диалектику философской мысли, так и стремление к целостной форме познания, в которой объединяются чувство, воля, мысль и вера. Представления об универсальной форме познания в «Отрывках» И. В. Киреевского, во-первых, предполагают синтез в «верующем мышлении» этической, эстетической, философской, религиозной сфер человеческой духовности, во-вторых, предощущают обретение эсхатологической полноты мирозерцания, единства человека и Бога.

В поздних трудах И. В. Киреевского мы видим связь с традицией исихазма, смиренномудрия. Русский мыслитель утверждал значимость «духовного зрения», которое неизмеримо выше в сравнении с «обыкновенным разумом». В гносеологии И. В. Киреевского истина, обретаемая «верующим мышлением», сверхрациональна, но в то же время предполагает органичное соединение разума с созерцанием и интуицией.

Во втором разделе второй главы «Символ лестницы в духовной прозе Н. В. Гоголя» раскрывается значимость символа лестницы в мирозерцании и творчестве Н. В. Гоголя. Его духовная проза явилась итоговой для эпохи русского романтизма, где романтические воззрения на генезис вдохновения, природу гения, иерархичность внутреннего мира человека представлены в религиозном ключе. Венцом гносеологической лестницы Н. В. Гоголь считал соборную мудрость, имеющую свой благодатный исток во Христе, в Логосе.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» принцип иерархичности является ключевым в этических, гносеологических, онтологических и эстетических взглядах писателя. Одним из наиболее частотных определений в книге является «высший». Принцип иерархичности проявляется в названии писем (XXIX «Чей удел на земле выше»), в их хронотопах, где земной мир и общество соотносятся с Царствием Небесным, в композиции всей книги, так как последнее письмо XXXII «Светлое Воскресенье» выступает по отношению к другим письмам в качестве восхождения от реально существующего к идеальному, должному.

Н. В. Гоголь призывает читателя к самостоятельному развитию своей интеллектуальной сферы. В письме XXVII «Близорукому приятелю» автор использует экспрессивную образность, раскрывая зависимость человека от чуждых для русского национального склада идей. Гносеологические воззрения Н. В. Гоголя смыкаются с его эстетической концепцией. Высшей формой поэтического творчества русский классик считает «библейский лиризм», в характеристике которого перечисляются не столько эстетические категории, сколько понятия, органичные для святоотеческой этики. Видя в Боге «верховный источник лиризма»,

русский классик намечает два пути приобщения к Нему – сознательный и бессознательный. Вершины «святого бесстрастия», к которому должен стремиться художник-христианин, Н. В. Гоголь открывает в православной гимнографии, в произведениях Отцов Церкви, в православных проповедях. Именно в духовном преображении личности, в ее обращении к Творцу он видит истинную цель искусства в целом и поэзии в частности.

Н. В. Гоголь продолжает традиции эстетики романтизма, утверждающей универсальный характер творческой активности и подвижническое служение поэта Абсолюту, что мы видим в письме XXIII «Исторический живописец Иванов». Творчество художника Иванова, в понимании автора, представляет собой подвиг самоотверженного служения искусству, сопровождаемый страданием и духовным преобразованием. В композиции картины «Явление Христа народу» Н. В. Гоголь находит подобие лестницы, где происходит сошествие божественного в человеческий мир. В образе Христа русский писатель подчеркивает откровение божественного мира: «в небесном спокойствии и чудном отдалении», «тихой и твердой стопой». Н. В. Гоголь акцентирует внимание на том, что Иванов преодолел рамки условной академической школы и отразил на картине собственный духовный опыт. В данном письме в религиозно-этическом ключе предстает романтическое представление о глубоком единстве творчества и жизни художника, душа которого становится главным объектом житнетворчества. Лейтмотивной мыслью данного письма, которая связывает образы художника и автора, служит мысль о невыразимости и таинственности «переходного состояния душевного». Н. В. Гоголь избирает традиционный для святоотеческих трудов принцип ценностного контраста порока и добродетели, выстраивает лестницу этических ценностей и добродетелей.

Духовный замысел «Выбранных мест из переписки с друзьями» помогает понять «Авторская исповедь», которую многие современники Н. В. Гоголя восприняли его апологией. Лейтмотивной мыслью исповеди является убеждение в том, что один и тот же человек в разные периоды своей жизни может достигать разных степеней «душевного состояния», возвышаться или падать.

«Правило жития в мире» (1844) Н. В. Гоголя в жанровом отношении продолжает многовековые традиции поучения, которое было одним из ключевых жанров древнерусской литературы. Произведение, имеющее четкую дидактическую направленность, созвучно православной проповеди, нравственно-подвижническому слову, а также руководствам к духовной жизни. Вместе с тем, в поучении русского писателя четко прослеживается философское начало: автор раскрывает движение мысли и ее оформление при помощи различных логических и риторических

приемов. Духовному развитию личности, по мысли Н. В. Гоголя, способствуют не только книжные источники, но и личный духовный опыт. Автор возносит свой духовный взор к Богу как источнику жизни, а затем обращается к бездне, благодаря чему в хронотопе, в композиции и в образной системе данного текста моделируется мирообраз вселенной. Традиционное для христианства уподобление человека страннику и воину в поучении Н. В. Гоголя смыкается с символическим сближением жизни и лестницы, где препятствия служат «ступенями восхождения» к эсхатологическому «вечному блаженству» в Боге.

В «Размышлениях о Божественной литургии» мы видим стремление автора постичь метафизический смысл церковной службы, христианских таинств и символов. Н. В. Гоголь постоянно подчеркивал, что в таинстве евхаристии не только символически, но онтологически осуществляется сошествие Духа Святого. В самом ходе литургии (проскомидия, литургия оглашенных, литургия верных) Н. В. Гоголь видит лестницу восхождения ко Христу, осуществление единства земного и небесного миров. Символ лестницы в данном произведении Н. В. Гоголя предстает в нескольких религиозных смыслах, которые ориентируют на сам ход литургии и на духовное преображение человека. В литургии он усматривает символическое откровение всего хода Священной истории, отраженного в текстах Ветхого и Нового Заветов, их пророчеств и обетований. Подобно Иоанну Златоусту, Н. В. Гоголь прозревает в евангельских заповедях блаженств лестницу восхождения и степени совершенства.

Третья глава «Метафизика символа лестницы в русской романтической поэзии» на материале поэзии В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки, творчество которых хронологически укладывается в историю развития русского романтизма, раскрывает магистральные для русского романтизма поэтические представления об иерархичности мироздания, о диалектике конечного и бесконечного, об онтологической и духовной лестнице, о диалогическом характере вдохновения, молитвенного горения.

В первом разделе третьей главы «Символическое единство дольнего и горнего миров в поэзии В. А. Жуковского» анализируются образные представления о странничестве и духовном восхождении в творчестве русского романтика.

Религиозная идея иерархичности бытия стала близка русским романтикам, прежде всего В. А. Жуковскому, в чьей поэзии земной мир является преддверием горнего мира. Духовная иерархия, выстраиваемая В. А. Жуковским, представляет собой восхождение от чувственных и интеллектуальных форм активности к универсальным, духовным, которые ориентированы в сферу бессмертного, вечного. Душа устремлена к максимальным формам реализации своих устремлений, кото-

рые соотносятся с горней сферой. Данное религиозное устремление приобретает характер духовного восхождения, что мы видим в программном для лирики В. А. Жуковского *отрывке* «Невыразимое» (1819). Именно духовное восхождение к горным сферам придает внутреннему миру лирического субъекта универсализм, который в своей неизмеримости может быть отражен только молчанием. В *отрывке* поэтизируется такая форма духовной активности, как воспоминание, которое не только воскрешает прошлое, но и обращает в сферу горнего мира. Воспоминание приобретает характер платонического анамнесиса. «Святая молодость» служит метафорическим обозначением горней родины бессмертной души. В композиции и образной системе антитеза горнего и дольного миров разрешается в мирозерцании души, постигающей онтологическое единство макро- и микрокосма, конечного и бесконечного.

В большей степени данный религиозный синтез, составляющий смысловое ядро символики лестницы, проявляется в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» (1814), где раскрывается сошествие пасхальной благодати во время церковной службы. В послании подчеркивается, как в сакральном топосе храма происходит соборное воссоединение людей с Богом благодаря «мольбе хвалебной».

В лирике В. А. Жуковского одним из ключевых выступает мотив странничества, глубоко укорененный в христианской культуре. В его поэзии человек постоянно отождествляется со странником: «Певец» (1811), «Путешествие жизни» (1813). Странник в творчестве русского романтика утверждает духовное восхождение, потенцирование духовных интенций к максимальным формам их проявления.

Иерархичность мироздания отражена в романсе «Мина» (1817), в песне «Горная дорога» (1818), в элегии «Взошла заря. Дыханием приятным...» (1819), в балладе «Вадим» (1814–1817) В. А. Жуковского. В данных произведениях значимую роль играет горный пейзаж, часто соотносенный с горным миром. Сближение горней сферы с горным миром укоренено в христианской культуре. В романсе «Мина» гармоничность земной природы подчеркивают ее значимость как преддверия горнего мира. Таким же гармоничным в романсе предстает образ дома: «светлый дом», «чертог горит в лучах». Мотив диалога миров усиливается образом «ликов», чье молчание становится формой откровения «невыразимых» духовных смыслов. Традиционная для романтизма образная модель восхождения на вершину горы в лирике В. А. Жуковского приобрела глубокий религиозный смысл, проясняя смысл человеческой жизни, заключающийся в странничестве, самопознании и богопознании.

В финале баллады «Вадим» («Двенадцать спящих дев. Старинная повесть в двух балладах») небесный, горный пейзаж характеризуется меньшей условностью и большим религиозным звучанием. В балладе ключевым становится не фантастическое как «предельный» случай, а метафизическое, религиозное прозрение в земном мире откровений горного и божественного. Рассвет метафорически соотносится с преображением мироздания. Пейзаж создается за счет ключевых для христианства образов и символов: «с звездой пробужденья», «Востока ангел в тишине». Образ летящего ангела созвучен мотивному комплексу лестницы, осуществляющей благодатную связь дольного и горного миров. В лирическом пейзаже возникает характерное для лирики В. А. Жуковского символическое представление о природе как храме. Лирический пейзаж раскрывает религиозное преображение, акт богопознания, происходящий в душе лирического субъекта. В финальных строках баллады за счет ярких колористических деталей, созвучных традициям христианской религиозной живописи, девы сближаются с Царицей Небесной: «яркими венчаны звездами», «серафимов тьмы кипят». Блещающий крест и звездные венцы – символы сопричастности божественной всеполноте и любви. Символическую близость «дев» Богородице подчеркивает сонм серафимов. Данная символическая деталь входит в мотивный комплекс лестницы.

В итоговой для творчества художника поэме «Агасфер. Странствующий жид» символ Голгофы соединяет в себе ключевые христианские представления о спасительной жертве Христа, о благодати, преображении и духовном воскресении. Главный герой данной поэмы проходит путь от духовной смерти к жажде богосыновства.

Во втором разделе третьей главы «Мотив духовного воспарения и символ лестницы в поэзии Ф. Н. Глинки» рассматривается развитие символики лестницы в духовной и пейзажной лирике русского романтика.

В лирике Ф. Н. Глинки ключевым выступает стремление раскрыть таинство сошествия благодати, которое представляет собой лестницу, связующую дольний и горный миры, человека и Бога. Уже в ранних элегиях Ф. Н. Глинки традиционные для романтической поэзии образы и мотивы раскрывают сокровенные сферы религиозной жизни христианина: духовное воспарение, молитвенное предстояние, созерцательность и умирение души. В «опытах священной поэзии», где в диалог вступают ветхозаветная и евангельская религиозность, обличение социальных и духовных форм зла соединяется со стремлением праведника обрести благодатное спасение в Боге. Формой откровения иерархичности мироздания и таинств духовного преображения, спасения и воскресения в лирике Ф. Н. Глинки, как и в творчестве Тютчева, является природный

мир, его весеннее пробуждение. Ключевыми в поэзии Ф. Н. Глинки, как и в лирике В. А. Жуковского, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, выступают символические детали, связанные с религиозными представлениями о брачном пире Бога и праведных душ, о таинстве евхаристии.

На протяжении всего творчества русского поэта ключевыми в нем являются лирические ситуации предстояния человека Творцу и духовного воспарения. В лирике Ф. Н. Глинки данные лирические ситуации воплощают смысловой комплекс, характерный для символа лестницы, что мы видим в таких произведениях, как «Ночная беседа и мечты» (1818), «Сон» (1820), «Музыка миров» (1830–1840-е), «Тайны души» (1841–1845). Элегия «Ночная беседа и мечты» органична для «ночных» элегий русского романтизма, проникнутых рефлексией относительно смысла бытия и человеческой жизни. В данном произведении отражена динамичность внутренней жизни личности, где философская мысль соседствует с чувствительностью и религиозной верой.

Глинка создал многочисленные «опыты священной поэзии», продолжая традиции русских духовных од XVIII в. М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина: «Плач плененных иудеев» (1822), «Вопль раскаяния» (1823), «Молитва души» (1823), «К Богу великому, защитнику правды» (1823), «Созерцание» (1823), «Псалом 62» (1826), «Из псалма 43-го» (1826 или 1827) и др. Данные лирические произведения имеют эпиграфы, указывающие на конкретный библейский источник. Жанровое определение «переложения псалмов» собирательно: лирические тексты тяготеют к жанрам элегии, литературной молитвы и оды, которые получили широкое распространение в лирике декабристов. Для Ф. Н. Глинки важно не нахождение точных образных соответствий библейскому источнику, а отражение пафоса пророческого обличения зла. Данные образцы русской духовной поэзии представляют интерес, во-первых, тем, что их символика отражает образный мир не одного псалма, а большой тематической группы, во-вторых, тем, что они синтезируют парадигмальные ветхозаветные и евангельские религиозные представления.

В лирике Ф. Н. Глинки 1840-х – 1870-х гг. религиозные мотивы и образы воплощаются в качественно новом стилистическом и жанровом воплощении. В ранней лирике поэта религиозные искания выражались в жанровых традициях элегии, оды, «переложения псалма», часто с торжественностью и аффектацией. В поздней лирике романтика духовное воспарение лирического субъекта, молитвенные интенции воплощаются в контексте лирической медитации, исповеди, естественно соединяющих в себе религиозность и философичность. Освобождение от жанровой и стилистической заданности мы видим в таких произведениях поэта, как «Заветное мгновение» (1841), «Буква и дух» (1860), «Слезы умиления» (1869), «Ты наградил» (кон. 1860-х).

В элегии Ф. Н. Глинки «Заветное мгновение» заметна инерция поэтического стиля, магистральных романтических образов и мотивов, которая особенно проявляется во второй композиционной части, представляющей собой моральное поучение «младому поэту» и сближающей сошествие небесной благодати с вдохновением, что было характерно для раннего русского романтизма. Дидактический финал, в котором акцентирована антитеза горнего и дольного миров, контрастирует с лирическим зачином и основной частью, где раскрывается динамика мысли и религиозного преображения. Лирический зачин элегии передает прозрение во временном вечного, субстанционального: создается эффект замедления, остановки времени. Градация, проявленная в образном ряде времени, переносится и на образный ряд познания мира: «слышим», «чуем». Обобщенно-личная форма выражения авторского сознания позволяет ему раскрыть родовую природу человека. Образный контекст выражает один из ключевых религиозных смыслов символа лестницы – прозрение «незримых», ангельских сил, сходящих в земной мир: «кругом летая», «чьих-то крыл». В элегии утверждается благодатное воссоединение горнего и дольного, которое приобретает почти физические проявления («чувствуем прикосновенье»).

Поэма Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» насыщена образами и мотивами, восходящими к текстам Священного Писания. Символика лестницы проявляется здесь как в эпизодах, повествующих о религиозном опыте монаха, так и в пейзажах поэмы. Горный пейзаж создается за счет колористической образности, которая созвучна традиционным цветам православной иконографии. В рамках видения героя возникает контраст горнего и дольного миров, раскрывается лестница восхождения от земного к горнему, от чувственного к сверхчувственному. Образность видения восходит к «Откровению святого Иоанна Богослова». В другом видении анализируемой поэмы символ лестницы соотнесен с Царицей Небесной, сходящей в земной мир. Герой сначала слышит, а затем прозревает явление «киного мира». Сошествие Царицы Небесной предваряется образом звезд, который традиционен как для изображения Мадонны в звездном венце на католических религиозных картинах, так и для православной иконографии, где звезда является символической деталью ризы Богородицы. Метафорическими образами, раскрывающими идею лестницы в данном видении, служат «путь зыбучий» и «полоса». Одновременно символическим атрибутом Царицы Небесной выступает благоухание горней сферы: «И ароматом заструилась Небесность».

В поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» символ лестницы раскрывает путь богопознания. Благодатное озарение

позволило герою поэмы осознать его сопричастность горной сфере уже в земной жизни. Образный ряд рая слагается из метафорических образов цветов, «высших кладезей», которые имеют иконографические истоки.

В лирике В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки символ лестницы предстает как непосредственно, так и опосредованно через близкие символы, образы и мотивы, создающие особый тип пейзажа – пейзаж соборного Божиего мира. Достаточно частотным в русской прозе и поэзии этого периода символ лестницы включается в образный контекст, выражающий рождественское и пасхальное преображение человеческой души и мироздания.

В заключении подводятся общие выводы исследования на уровне концептуального обобщения.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих работах:

Статьи в центральных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Коздринь, Я. Р. Метафизика символа лестницы в русской философской прозе 1820–1830-х годов [Текст] / Я. Р. Коздринь // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. – № 5. – С. 35–38.

2. Коздринь Я. Р. Символ лестницы в поздней лирике Ф. Н. Глинки [Текст] / Я. Р. Коздринь // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. № 3(2). – С. 155–160.

Статьи по теме исследования:

3. Коздринь, Я. Р. Символ лестницы в русских духовных стихах [Текст] / Я. Р. Коздринь // Народная культура Сибири: материалы XVII Научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск : Изд-во Амфора, 2008. – С. 152–156.

4. Коздринь, Я. Р. Символ лестницы в православной культуре [Текст] / Я. Р. Коздринь // Русская филология: язык – литература – культура : материалы науч.-практ. конф. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 40–42.

5. Коздринь, Я. Р. Символ лестницы в литературном наследии преподобного Нила Сорского [Текст] / Я. Р. Коздринь // Славянские чтения – 3 : сб. статей Междунар. научно-практической конф. «Славянские чтения – 3». – Омск : Полиграфический центр КАН, 2008. – С. 78–83.

6. Коздринь, Я. Р. Человек, мир и Бог в «Опытах священной поэзии» Ф. Н. Глинки [Текст] / Я. Р. Коздринь // Славянские чтения – 4 : сб. статей Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. – Тара : Изд-во А. А. Аскаленко, 2009. – С. 29–32.

7. Коздринь, Я. Р. Символ лестницы в русской духовной литературе XVIII–XIX вв. [Текст] / Я. Р. Коздринь // Духовная традиция в русской литературе : сб. науч. статей. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2009. – С. 213–218.

8. Коздринь, Я. Р. Символ лестницы в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя [Текст] / Я. Р. Коздринь // Вопросы фольклора и литературы: сб. статей – Омск : Амфора, 2009. – С. 73–77.

9. Коздринь, Я. Р. «Правило жития в мире» Н. В. Гоголя в контексте святоотеческой традиции [Текст] / Я. Р. Коздринь // Проблемы художественной антропологии: материалы III межвуз. науч.-практич. конференции с международным участием. – Тара : Изд-во А. А. Аскаленко, 2009. – С. 57–60.

Подписано в печать 07.10.2009. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,4

Тираж 100 экз.

**Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс (3812) 23-57-93**

10-